

Поскольку Лю И прибыл не слишком рано, он услышал лишь финальную часть разговора и потому совершенно не знал, что предметом спора Ци Шаньюя и Ли Цзиня был он сам. Он просто наблюдал за этим как за зрелищем, молча удивляясь, как мал мир, и не ожидал, что парень студентки, проходившей практику... точнее, уже бывший парень, оказался тем самым молодым офицером полиции, с которым ему предстояло работать.

Однако, поразмыслив, Лю И решил, что в этом нет ничего удивительного.

Их профессиональный круг и так был невелик, особенно для судмедэкспертов. Не только геи с нестандартной ориентацией, но и обычные люди, предпочитающие противоположный пол, слыли вечными холостяками, которым редко удавалось создать семью. Поэтому, помимо внутренних связей, их партнёрами чаще всего становились либо полицейские, либо врачи.

К тому же Ли Цзинь и Ци Шаньюй были ровесниками, их круги общения пересекались, и внешне они составляли очень гармоничную пару, где роли были чётко распределены. Так что их отношения вряд ли могли кого-то удивить.

Размышляя об этом, Лю И почувствовал лёгкое сожаление.

К сожалению, его вкусы никогда не склонялись к таким типажам, как Ли Цзинь — низкорослым, хрупким, мягким и нежным, вызывающим у людей желание защитить. Иначе, будучи таким привлекательным, состоятельным, харизматичным и образованным репатриантом, как он мог бы проиграть такому непонятливому и бесчувственному, как Ци Шаньюй, и оставаться одиноким до сих пор?

Однако...

Лю И вдруг усмехнулся.

Даже если Ци Шаньюй когда-то и опередил его, что с того? Теперь он, как и он сам, вернулся в ряды одиноких.

С лёгким сердцем Лю И налил Ци Шаньюю чашку чая, думая, что, конечно же, в двадцать с небольшим лет люди ещё слишком молоды и полны неиссякаемой драмы, то и дело превращаясь в «императоров крика» и не оставляя себе ни капли достоинства.

Не говоря уже о том, что они уже расстались, и разбираться, кто прав, кто виноват, кто кому что должен, было просто глупо. Да и, судя по тому, как Ци Шаньюй, такой честный и простодушный, даже в баре, выпивая в одиночестве, не поддавался ни на чьи ухаживания, Лю И просто не верил, что тот мог быть таким уж распутным...

Впрочем, Лю И не был из тех, кто лезет в чужие дела, и к запутанным отношениям Ци Шаньюя и Ли Цзиня он не испытывал особого любопытства, да и не горел желанием играть роль «добротного дядюшки», дающего советы по личной жизни.

К тому же, глядя на сидящего напротив офицера Ци, который, казалось, готов был провалиться сквозь землю от смущения, Лю И почувствовал редкую толику сочувствия и решил сделать вид, что не видел той неловкой сцены в лифте, и больше не упоминать об этом при Ци Шаньюе.

Вскоре подали закуски и кашу. Лю И улыбнулся Ци Шаньюю, предложив ему начать есть, а сам налил себе миску каши и, наслаждаясь хрустящим и ароматным жареным молочным поросёнком, начал медленно есть, ложка за ложкой.

— Насчёт дела Су Жуйжуй у меня действительно есть кое-какие находки, о которых я хотел бы поговорить с тобой.

Лю И сделал глоток каши, почувствовав, как вкус густой и нежной рисовой каши растекается по его вкусовым рецепторам, и с удовольствием прищурился.

Он проглотил еду, прежде чем продолжить:

— Но это касается следов на её теле.

Хотя Лю И говорил негромко, эта кантонская закусовая была довольно популярным местом в городе, и, учитывая, что было время обеда, заведение было заполнено людьми. Как только он закончил говорить, двое посетителей за ближайшим столом, похоже, услышали слово «тело», обернулись и взглянули на него с испугом в глазах.

— Кхм.

Лю И притворно кашлянул, подвинул стул ближе к Ци Шаньюю, сократив расстояние между ними, чтобы говорить тише и не портить аппетит другим посетителям своими жуткими темами.

— М-м?

Ци Шаньюй заказал себе миску риса, лишь краем глаза взглянув на Лю И, который почти прижался к нему, и, продолжая есть, тихо спросил:

— Какие находки?

Он знал лишь то, что Лю И обнаружил следы от пальцев на шее покойной, когда разговаривал с родителями Су Жуйжуй, но что именно это означало, Ци Шаньюй ещё не успел выяснить.

— На задней части шеи Су Жуйжуй я обнаружил два следа, всего три отпечатка пальцев, вероятно, оставленные, когда кто-то одной рукой сжал её шею.

Лю И положил палочки, правой рукой показав на заднюю часть шеи Ци Шаньюя, чтобы тот понял, в каком положении это произошло.

— И, скорее всего, эти следы оставила женщина.

— Ты хочешь сказать...

Ци Шаньюй повернулся к Лю И, глядя в его глаза, которые были совсем близко:

— ...что Су Жуйжуй, вероятно, не утонула, а была задушена? И что убийца, скорее всего, женщина?

— Нет.

Лю И решительно покачал головой:

— Во-первых, при таком положении и размере руки женщины задушить человека практически невозможно. Во-вторых, хотя вскрытие ещё не проводилось, по моему опыту, скорее всего, девушка всё же утонула.

Ци Шаньюй перестал есть, внимательно смотря на Лю И, ожидая продолжения.

Хотя их разговор был серьёзным и кровавым, ни Ци Шаньюй, ни Лю И не замечали, насколько двусмысленно их поведение выглядело со стороны.

В конце концов, оба были невероятно привлекательны как внешне, так и ростом, а за столом, рассчитанным на четверых, два красивых молодых человека сидели так близко, что их плечи почти соприкасались и, наклонив головы, шёпотом обсуждали что-то. Причём Лю И, после того как показал на шею Ци Шаньюя, оставил руку на спинке его стула, что в глазах окружающих выглядело так, будто они даже за едой не могли оторваться друг от друга, как пара влюблённых.

— Ваши заказы: овощное рагу, свиные рёбрышки в соусе из чёрных бобов и суп с амарантом...

Молодая официантка лет двадцати, опустив глаза, подала блюда Ци Шаньюю и Лю И, украдкой взглянув на их лица, покраснела и, отойдя, толкнула подружку, после чего обе тихо взвизгнули от возбуждения.

— ??

Заметив странное поведение официанток, Ци Шаньюй поднял глаза, удивлённо посмотрел на них, но ничего не подумал и продолжил разговор с Лю И.

— Меня удивляет, что запись с камер видеонаблюдения, на которой видно, как она совершает самоубийство, не соответствует её травмам.

Лю И объяснил:

— Я помню, ты говорил, что камера в библиотеке не находится на пути от общежития к искусственному озеру, верно?

— М-м.

Ци Шаньюй обмакнул палец в чай и быстро нарисовал на столе упрощённую карту:

— На самом деле библиотека находится справа от озера, ближе к учебному корпусу, и чтобы дойти от входа женского общежития до библиотеки, нужно около десяти минут.

— Вот именно.

Лю И ответил:

— Когда тело Су Жуйжуй вытащили из озера, я заметил, что её переносица здесь...

Он указал на левую сторону своей переносицы ближе к глазнице:

— ...слегка вдавлена, а противоположная сторона немного приподнята, что является типичным признаком перелома носовой кости.

Лю И пропустил специальные термины и продолжил объяснение простым языком:

— Поскольку на месте перелома есть явные признаки отёка и кровоподтёков, это, скорее всего, прижизненная травма, то есть она получила перелом носовой кости ещё при жизни.

Он сделал паузу, прежде чем продолжить:

— Однако, как правило, через два-четыре часа после перелома носовой кости отёк и кровоподтёки становятся более выраженными, скрывая деформацию, и точное место перелома можно определить только при пальпации.

Он тоже, как и Ци Шаньюй, обмакнул палец в чай и нарисовал на столе временную шкалу:

— Поэтому я предполагаю, что перелом носовой кости у Су Жуйжуй произошёл в течение четырёх часов до смерти.

Сказав это, он слегка ткнул пальцем в место на карте Ци Шаньюя, где было обозначено общежитие, а затем указал на библиотеку:

— Перелом носовой кости очень болезненный, и для несовершеннолетней девочки это, должно быть, было серьёзной травмой...

Ци Шаньюй тихо ахнул, поняв мысль Лю И:

— Ты хочешь сказать, что на записи с камеры, где видно, как она совершает самоубийство, поведение Су Жуйжуй выглядит слишком спокойным?

— Да.

Лю И почувствовал, что с умным человеком говорить действительно легко, и с удовлетворением кивнул.

* «Императоры крика» — отсылка к чрезмерно драматичной манере актёрской игры.

* «Добрый дядюшка» — разговорное выражение, обозначающее человека, который вмешивается в чужие отношения с советами.

<http://bllate.org/book/16545/1508071>